

УДК 82.091

ДОЛЯ И «ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ»

**ЯМАГУТИ
РЁКО**

*доктор филологических наук,
преподаватель,
Университет Досися, факультет глобального и
регионального исследований,
Киото, Япония, cjv52910@icloud.com*

Ключевые слова:

Тургенев
философия любви
любвные заговоры
женские образы
болезнь

Аннотация:

В статье рассматривается взгляд И. С. Тургенева на любовь и ее сущность в жизни человека. Это позволяет нам разрешить загадку, как автор понимал свою жизнь в последние годы, хотя он известен прежде всего как социальный писатель. Обычно основой любви человека является любовь между родителями и ребенком. Но в повести «Песнь торжествующей любви», одном из произведений Тургенева позднего периода, описывалась любовь как болезнь, которая возникла у женщины в результате магии мужчины. Наша гипотеза состоит в том, что автор знал о существовании русских любовных заговоров и воспользовался этими текстами.

© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 02 мая 2024 года

Опубликована: 02 июня 2024 года

ВВЕДЕНИЕ

О. В. Дедюхина пишет:

«Тургенев вошел в литературу как социальный писатель, создатель ярких типических образов, как летописец бурной эпохи, ставивший в своих романах, повестях, рассказах самые актуальные проблемы общественного бытия. Тема таинственного, загадочного, странного в творчестве писателя долгое время оставалась на периферии, и лишь в последние годы интерес исследователей к этой сфере начал неуклонно расти» [3: 4].

Нам кажется, что исследование взгляда И. С. Тургенева на чувство любви очень важно и может помочь разрешить загадку в жизни писателя.

Обычно любовь между родителями и ребенком является основой любви человека. Для самого И. С. Тургенева женщина как таковая имела большое значение, прежде всего – его мать. С женщиной связаны перемены в его жизни. Исследователь темы любви у Тургенева Г. Щукин стремится доказать, что общий для Гёте и Тургенева образ по-женски пассивного влюбленного, зачастую обреченного на смерть, восходит к платоновскому пониманию Эроса как воплощения потребности любви, которая изначально обречена на невозможность удовлетворения [10]. Другой исследователь, священник Д. Барницкий в статье «Религиозный подтекст повести И. С. Тургенева “Песнь торжествующей любви”» анализирует особенности структуры, формирования и функционирования мотива тоски в этой повести [2]. В повести «Песнь торжествующей любви» (1881) описывалась любовь в качестве болезни, которая возникла у женщины под влиянием мужчины. Эта повесть связана с задачей описания глубин человеческой психики, связанных с темой жизни и смерти, то есть темой судьбы человека.

Мы хотим посвятить эту статью изучению образа доли (или новой жизни в утробе героини) в повести «Песнь торжествующей любви» (1881) И. С. Тургенева. Прежде всего отметим, что эпиграф

является самым важным для понимания образа героини, так как в нем сконцентрирована мысль автора о женщине. Эпиграф – слова Шиллера из стихотворения «Текла»: «Wage Du zu irren und zu träumen!» («Дерзай заблуждаться и мечтать!»).

Вместе с тем рассмотрим следующую сцену:

«В один прекрасный осенний день Фабий оканчивал изображение своей Цецилии; Валерия сидела перед органом, и пальцы ее бродили по клавишам... Внезапно, помимо ее воли, под ее руками зазвучала та песнь торжествующей любви, которую некогда играл Муций, – и в тот же миг, в первый раз после ее брака, она почувствовала внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни... Валерия вздрогнула, остановилась... Что это значило? Неужели же...»(Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 44).

В повести «Песнь торжествующей любви» есть такие строчки:

«Духовник выслушал ее (героиню) внимательно, благословил ее, отпустил ей ее невольный грех, а сам про себя подумал: “Колдовство, чары бесовские... это так оставить нельзя...”» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 234–235).

Так в повести появляется мотив любви как результата действия любовной магии.

«Любовной магии в России, других славянских и неславянских странах Евразии посвящена обширная литература. Эта тема затрагивается в рамках изучения магии и письменности Древней Индии, древнего Ближнего Востока, античной Греции и Рима, Европы эпохи Средневековья, Ренессанса и раннего Нового времени, России XIX – начала XX в.» [6: 110].

А. Л. Топорков – известный исследователь русского фольклора и литературы и пишет о любовных заговорах:

«Любовная страсть насыщается в заговорах как некая сверхчеловеческая сила, несущая другому человеку зло и разрушение. Это, как правило, не любовь, а тоска, кручина, сухота, да и требуют в заговорах не взаимного чувства, а того, чтобы кипело, горело, болело сердца у рабы Божией, чтобы она тосковала и горевала» [6: 113].

В этой повести героиня тоже чувствовала тоску и сухоту любви после тайной встречи с Муцием. А. Л. Топорков говорит также: «Если воспользоваться известным противопоставлением любви-жалости и любви-страсти, то в заговорах, несомненно, речь идет о последней» [6: 113].

В этой повести главная тема тоже о любви-страсти. Д. Барицкий пишет:

«...мы видим, что мотив тоски в повести «Песнь торжествующей любви» тесным образом связан с темой действия в судьбе человека таинственных сил природы, которые находят воплощение в любовном чувстве» [2: 275].

Нам интересно, как понимал Тургенев любовь и до какой степени ему были знакомы русские любовные заговоры.

«Песнь торжествующей любви» была впервые опубликована в 1881 году, она относится к позднему периоду его творчества. Можно сказать, что это попытка Тургенева написать так называемый «готический» рассказ в духе западноевропейских литературных традиций. Но в то же время в повести, как нам кажется, есть отражения русского фольклора, особенно русских любовных заговоров.

«Согласно авторитетному мнению В. Н. Топорова, тургеневское понимание Эроса восходило к рассказу Диотимы из диалога Платона “Пир”, в котором приводится легенда о зачатии Эроса в день рождения Афродиты» [7: 268].

Диотима из Мантинеи играет важную роль в Платоновом диалоге «Пир» о происхождении понятия «платонической» любви. В диалоге Сократа Диотима заявляла, что Эрос – сын «Богатства (отец) и Нужды (мать)». Эрос стремится к познанию жизни и смерти. Исследователь В. Г. Щукин в статье «Тургенев и Гёте. Нечто о психопоэтике, эросе и красоте» выражает мнение, что тургеневские герои стремятся к познанию идеи прекрасного в женщине так же, как Эрос восхищается волей и жизнью отца и старается забыть о голоде, нужде алчущей матери. В то же время в произведениях И. С. Тургенева изображается мать с точки зрения «мужчины-сыночка» [10: 269–270], на которую (а не на отца) он был так похож.

«Он желает видеть в женщине или нежное невинное создание (то есть, деву, “доченьку”), или даже беспощадную (но красивую!) порабощительницу слабого мужчины, которая также может принять мифический вид призрак (вампира, сильфиды)» [10: 269–270].

А мы знаем, что любовь – это стремление к благу и бессмертию, потому что, с одной стороны, человек любит другого и создает новую жизнь, обеспечивая продолжение рода, а с другой стороны – человек стремится к Богу (то есть к платонической любви), к обретению бессмертия. Это правильное использование любви для Диотимы и Платона. Однако в конце этой повести Тургенева читатель узнает о жестокости женщин. Разве это правильное использование любви? Какая же идея отражена автором?

Наша гипотеза – И. С. Тургенев знал о существовании русских любовных заговоров и воспользовался этим.

Особенно тема любви как болезни ощущается там, где речь идет о тоске. Это можно показать на примере героини:

«Валерия не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась, и в голове слегка звенело... от странного того вина, как она полагала, а может быть, и от рассказов Муция, от игры его на скрипке...» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 227).

«С опущенной на грудь головою, со скрещенными на коленях руками, она сидела на скамье – а за ней, выделяясь из темной зелени кипариса, мраморный сатир, с искаженным злорадной усмешкой лицом, прикладывал к свирели свои заостренные губы» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 230).

«Она больна... но какую болезнью?» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 236).

«Окно спальни распахнулось сверху донизу – и, занеся ногу через порог, стоит в окне Валерия... руки ее как будто ищут Муция... она вся тянется к нему» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 236-237).

Вспомним здесь те мотивы греческих любовных заговоров, которые имеют близкие параллели в русской традиции – их приводит А. Л. Топорков в своих работах:

- 1) Женщина не может пить и есть, страдает от голода и жажды, находясь вдалеке от мужчины.
- 2) Согласно заговору, она не должна общаться ни с кем, в том числе со своими родителями.
- 3) Женщина должна обезуметь и придти к постели любви в муках от сильного возбуждения.
- 4) Она должна быть покорной мужчине, так чтобы она не могла покидать его.
- 5) Женщина не должна получать удовольствие от сексуальных отношений ни с кем, кроме того мужчины, который произносит заговор, в том числе и со своим мужем, если она замужем.
- 6) Она не должна спать без мужчины, который произносит заговор, пусть ее мучает бессонница [6: 123].

Таким образом, по описаниям героиня очень похожа на женщину – объект заговора. Аналогичным образом ведет себя тоскующая женщина и в записях заговоров XIX – первой трети XX века. О тоске в заговорах создано много литературных произведений. Со временем в русской литературе появилось такое понятие как «любовная тоска». «Описание любовного отчаяния, которое дается в заговорах, весьма напоминает описание романтической любви у писателей и поэтов XIX века» [6: 113].

Японская фольклористка Дзюнко Фудзивара пишет, что под влиянием немецкого романтизма русская интеллигенция оценила русский народный фольклор как «сокровище» (этнография и фольклористика были признаны в России как академические науки в 1840-х годах) [1: 426]; [8: 123]. Тургеневская повесть «Песнь торжествующей любви» имеет вид фрагмента старинной итальянской рукописи, действие ее происходит в середине XVI века. А. Л. Топорков в своих работах пишет о связи между договором с Сатаной и любовными заговорами, в том числе о «фаустовском сюжете» в литературных произведениях XVII–XVIII веков. [6: 141]. Мы полагаем, что его выводы могут быть применимы и к рассматриваемой повести.

При анализе этого произведения мы использовали концепцию любовной магии. В рамках заговорного фольклора нельзя любить того человека, с кем невозможно заключить брак. Рукописные любовные заговоры XVII–XVIII века – вообще, как правило, тексты от имени мужчины. В них выражается тоска и отчаяние, что нельзя соединиться с любимой, в них любовь предстает как любовная болезнь. Нечто похожее мы видим и у Тургенева:

«Но уходя, он пожал ей руку крепко-накрепко, надавив пальцами на ее ладонь и так настойчиво заглядывая ей в лицо, что она хоть и не поднимала век, однако почувствовала этот взгляд на внезапно вспыхнувших своих щеках. Она ничего не сказала Муцию, но отдернула руку, а когда он удалился, посмотрела на дверь, через которую он вышел. Она вспомнила, как и в прежние годы она его побаивалась... и теперь нашло на нее недоумение» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 226-227).

В обычной ситуации тоска вызывается утратой любимого человека. В заговорах все происходит иначе. Здесь тоска считается результатом влияния магии. А. Л. Топорков пишет:

«При этом “вредитель”, наславший тоску, и любимый, на которого направлена эта тоска, – одно и то же лицо. Этот человек воспринимается амбивалентно, вызывая одновременно и ненависть, и страстную привязанность» [6: 180].

После тайной встречи с любовником выражение лица тургеневской героини менялось таким образом:

«И не потому, что оно было несколько бледно и казалось утомленным... нет; но того чистого, святого, выражения, которое так ему в нем нравилось и которое навело его на мысль представить Валерию в образе святой Цецилии, – он сегодня не находил. Он наконец бросил кисть, сказал жене, что он не в ударе, что и ей не мешало бы прилечь, так как на вид она кажется не совсем здоровой, – и поставил мольберт с картиной лицом к стене» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 230–231).

Это описание передает некое воздействие на героиню магических сил, Валерия меняется и физически, и духовно, она словно преображается в некоего вампира.

Вампир в литературе часто символизирует, с одной стороны, привлекательность в своей красоте для противоположного пола, сексуальное удовольствие, жизненную силу, с другой стороны – аморальность, эксплуатацию. Как будто эта сцена намекает, что она столкнется с трагедией в будущем.

С точки зрения концепции так называемой «тургеневской девушки», Валерия сохраняла обаяние девичества даже после брака с Фабием – до того, как она встретилась с Муцием во второй раз. Об их союзе с Фабием говорится: «одно завелось у них горе: детей у них не было...» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 222). Она еще не стала матерью и сохраняла некую чистоту и в психике, и в физиологии до своей тайной встречи с Муцием.

Примечательно, что обряд прощания с девичьей красотой – это ритуальное расставание невесты с девичьей вольной жизнью, понятие о которой в русской свадьбе и свадебной поэзии похоже на избавление от тоски в лечебных заговорах [11: 139–140].

Поскольку психика, физиология и поведение человека описывались нерасчлененно, тоска осмыслялась не только как психическое состояние, но и как физиологическая патология. Если на женщину нападала беспричинная грусть, то возникало подозрение, что это состояние кем-то на нее напущено. Эта физиологическая патология, как будто беременность [6: 175]. И в повести тоже говорится, что героиня забеременела от Муция и теперь чувствует, что в ее утробе что-то двигается.

Муций смог дать ей новую жизнь вместо ее мужа. Валерия получила еще одно существование как мать. Нам кажется, что между тоской и женщиной без детей существует неразрывная связь.

Надо сказать, что, с одной стороны, в произведениях И. С. Тургенева исследователи обнаруживали соответствия со многими философскими концепциями, в том числе с Платоном и Гёте. А с другой стороны, мотив «магия и любовь» распространены не только в западноевропейской культуре, но и в русской, особенно в народном фольклоре. Прежде всего нам известно произведение с мотивом «магия и любовь» – «Фауст». Гёте удалось описать влюбленную героиню и «победу любви-жалости над смертью».

Для того, чтобы понять сущность героини, нам надо отметить покровительницу женщин. Это женщина, но это необычная женщина, Богиня судьбы. Прежде всего мы хотим вспомнить греческий миф. Илифия – богиня родов. Согласно верованиям древних греков, без ее содействия не происходили ни одни роды. Культ Илифии сформировался на Крите, откуда попал на Делос, а затем распространился в Аттике и других частях Эллады. На Делосе Илифию особенно почитали и уподобляли богине судьбы и называли матерью Эрота. Также надо вспомнить Мойру – древнегреческую богиню судьбы. Мойра буквально – «часть», «доля». А. А. Потенба написал о доле в славянской народной культуре. По его мнению, в основании всех приведенных представлений о доле лежит мысль, что она есть существо отличное от человека, которому она принадлежит, и что ее действия, производящие известные явления в человеческой жизни, не суть повторения таких же действий человека: счастливый вовсе не работает, но за него работает его счастье; несчастный страдает, но его доля наслаждается [5: 365]. Доля – безжалостное существо, и доля – женского рода.

Обратим внимание на следующие моменты. Прежде всего, мотив пробуждения от страшного сна через тайную встречу соотносится с лиминальным состоянием героини, как бы умирающей в одном статусе и рождающейся в другом. То есть присутствует мотив освобождения от чар.

В русской свадебной лирике и причитаниях после утраты девичьей красоты невеста приобретает лиминальный статус, который сулит опасность окружающим и самой девушке вплоть до венчания [11: 140]. Воля невесты имеет сверхъестественную силу. Это означает, что она приобретает возможность забеременеть. Воля, отделенная от невесты в свадебных причитаниях, становится опасной для людей. Так же как Валерия стала опасной после тайной встречи с Муцием. Как будто вампир, она постепенно лишалась качеств живого человека. Обычно невеста, таким образом, возрождается в новой семье, чужой для ее рода, но случай Валерии иной.

Необходимо отметить, что отношения с родительской семьей в русском фольклоре вообще играли значительную роль.

«Для дочери намного страшнее был материнский гнев. В Заонежье считали, что если мать

проклянет дочь перед иконами, то у нее может не быть детей, и жизнь молодых не будет счастливой, их будут преследовать болезни, и даже возможна преждевременная смерть» [4: 256].

Мать вообще оказывала сильное влияние на судьбу невесты.

В повести И. С. Тургенева отношения с матерью невесты тоже играли очень важную роль:

«Валерия показала это письмо (в котором просили ее объясниться и сказать, кому она готова отдать свою руку) матери – и объявила ей, что готова остаться в девицах; но если мать находит, что ей пора вступить в брак, то она выйдет за того, на кого укажет ее выбор» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 221).

Брак без благословения может обернуться катастрофой для невесты. Но доверять матери свою судьбу тоже опасно, так как может привести к проблемам для супругов. Свадебные обряды означают, что невеста отказалась от защитников, которые у нее были раньше и принадлежали к роду невесты. В любовных заговорах есть формула «отречения от Христа». Формула «отречения от Христа» существовала в версиях, имеющих полуфольклорный характер. Это отразилось в мотиве «отречения от родителей» в любовных заговорах [6: 141–145]. Смена родителей означает символическую смерть невесты, а в то же время это начало новой жизни женщины. Даже, можно сказать, невеста приобретает право на собственное решение своей судьбы (то есть свою долю) после временной смерти. До тайной встречи с Муцием, у героини не было собственного решения. И после встречи она скрывала свое чувство, даже назвала Муция «тот»:

«... Возьми ты эту вещь! – она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночном столике, ожерелье, данное ей Муцием, – и брось ее тотчас в самый наш глубокий колодезь. Обними меня – я твоя Валерия – и не приходи ко мне, пока... тот не уедет» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 240).

Она все-таки не изменила свою долю, хотя перед свадьбой невеста должна осознать свою долю.

В повести И. С. Тургенева женщиной овладевает безумие из-за любви. Однако героиня в повести получила новую силу, она как будто отмечает новую тенденцию: в любовных заговорах XIX века у мужчин описаны тоска или нервный срыв, которые напускали женщины. В течение времени сущность любовных заговоров изменилась. Большинство любовных заговоров, собранных в XX веке, направлено к мужчинам от женщин. А. Л. Топорков считает, что присвоение девицами мужских текстов связано не только с их эмансипацией, но и с возможностью обучаться грамоте и пользоваться ею [6: 118]. Изначально безумие и тоска женщин в заговорах появлялись не только в психологическом страдании, но и в физическом страдании. С исторической точки зрения и психическое страдание, и физическое страдание женщин считались связанными с сексуальной неудовлетворенностью, одиночеством, разбитой любовью, потерей мужа или детей, с бесплодием. В любовных заговорах эти состояния описываются как аномалия, аномальное поведение, болезнь. Мишель Фуко написал про безумие так:

«Но безумна, в пределах этого порядка, и попытка вырваться из него и соединиться с Богом; безумие – отвращаться от мира, безумие – полагаться во всем на непостижимую волю Бога, безумие – не ведать границ своим исканиям; все это темы древние, милые сердцу мистиков» [9: 44].

Нам кажется, главный вопрос для Тургенева, когда он пишет о любви, – это как понимать мистику женщин.

В течение времени любовные заговоры оказываются направлены от женщин к мужчинам, женщины даже творили новые тексты. Валерия тоже приобретала силу, в конце повести героиня осознала в себе новую жизнь, а Муций показан как мертвец. Здесь Валерия описывается именно живой, а Муций – наоборот:

«К обеду она пришла в столовую и очень была тиха и ласкова; однако все еще жаловалась на усталость. Но ни тревоги уже не было в ней, ни прежнего постоянного изумления и тайного страха; и когда, на другой день после отъезда Муция, Фабий снова принялся за ее портрет, он нашел в ее чертах то чистое выражение, мгновенное затмение которого так смутило его... и кисть побежала по полотну легко и верно» (Тургенев И. С. «Песнь торжествующей любви»: 243).

Любовные заговоры в этом смысле вписываются в более широкий культурный контекст. Для самого И. С. Тургенева встреча с женщиной имела большое влияние, изменившее ход его жизни. Подобным же образом и для Муция, который был отвергнут, и которому не было места в этом мире, встреча с этим миром была возможна только благодаря магии. Но все-таки он уже навечно был мертвецом. Так в повести появляется мотив любви как результата действия любовной магии, как будто любовь Муция является ненастоящей. У Валерии есть два противоположных аспекта: любовь-жалость и любовь-страсть. Она решила выбрать любовь-жалость. Но мы сомневаемся в том, что ее решение было твердым и однозначным. В конце концов мать героини все еще сковывала ее, и она не могла избавиться

от навязываемого ею решения. Новая жизнь в утробе героини торжествует победу в будущем над смертью. Но чья это победа?

ВЫВОДЫ

Многие исследователи отмечают мотивы философских и психологических проблем в «таинственных повестях» И. С. Тургенева. В других произведениях писателя в основе всегда лежит социально-психологический конфликт. В этой повести изображается скрытое, но сильное влияние образа матери на долю дочери, которое тоже намекает на существование социально-психологического конфликта. Человеку свойственно ошибаться, но героиня боялась того, что ее любовь-страсть к Муцию станет всем очевидна. И она решила скрыть свою любовь. Так что она не успела стать самостоятельной взрослой женщиной, в повести она словно передумывает и останавливается на полдороге. Но в ее утробе зарождается новая жизнь, то есть мы имеем дело с мистикой в почти современном истолковании. Как современная женщина она должна была объяснить свою мысль и не убежать, и не отрицать любовь-страсть. Она же – носитель одновременно двух разнонаправленных эмоций: в ней живет любовь-страсть на современный лад и любовь-жалость как отзвук романтизма. В этой повести, используя мотив русских любовных заговоров, автор попробовал решить загадку – может ли любовь-страсть победить любовь-жалость в эпоху женской эмансипации – но ответа не нашел. Очевидно, что в ее нынешнем состоянии невозможно взять ответственность за новую жизнь. Через страдание любви к мужчине как болезни ей надо научиться и слушать голос духа. Так что, как сказано в эпиграфе к повести, – «Wage Du zu irren und zu träumen!» («Дерзай заблуждаться и мечтать!»).

В стихотворении Шиллера «Текла» написано так:

On ich den Verlorenen gefunden
Glaube mir, ich bin mit ihm vereint,
Wo sich nicht mehr trennt, was sich verbunden,
Dort, wo keine Träne wird geneint.

(Я нашла ль потерянного снова?
Верь, я с ним соединилась там,
Где не рознят ничего родного,
Там, где места нет уже слезам).

В повести остается только одна победительница – мать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И. С. Избранные произведения. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 219–244. 384 с. Далее в круглых скобках будет указано Тургенев И. С. « Песнь торжествующей любви» и через двоеточие номер страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банънай Токуаки. Происхождение этнографии в России // Хитоцуваси Ронсо. 1992. Т.108. № 3. С. 425–444.
2. Барницкий Димитрий, священник. Религиозный подтекст повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // Богословский вестник. 2020. № 4 (39). С. 263–278.
3. Дедюхина О. В. Сны и видения в повестях и рассказах И. С. Тургенева (проблемы мировоззрения и поэтики): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 30 с.
4. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. 328с.
5. Потебня А. А. Собрание трудов. Символ и миф в народной культуре. Москва: Лабиринт, 2000. 480 с.
6. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. Москва: Индрик, 2005. 480 с.
7. Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). Москва: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. 192с.
8. Фудзивара Дзюнко. Русские заговоры (1): Любовные заговоры // The Kobe Gaidai Ronso. 2022. Т. 75, № 1. С. 123–167.

9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху (Перевод). Москва, 2010. 698 с.

10. Щукин Г. Тургенев и Гёте. Нечто о психопэтике, эроте и красоте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18, № 1 (2). С. 268–276.

11. Ямагути Р. Концепты «Воли» и «Тоски» в русской свадебной лирике // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2 (95). С. 139–141.

REFERENCES

1) Bannai Tokuaki. The origin of Ethnology in Russia // *Hitotsubashi Ronso*. 1992. Vol. 108. No. 3. P. 425–444.

2) Dedyukhina O. V. Dreams and visions in the stories and tales of I. S. Turgenev (Problems of the world views and poetics). Ph.D. Thesis on the subject of the right of self-determination in philological science. Federal University in Yakutsk. Moscow. 2006. 30 p.

3) Fujiwara J. Russian charms (1): The love charms // *The Kobe Gaidai Ronso*. 2022. Vol. 75, No.1. P. 123–167.

4) Foucault M. *The History of Madness* (1961). (Translation). Moscow, 2010. 698 p.

5) Kuznetsova V. P., Loginov K. K. Russian wedding during Onego (the end of the 19th - the beginning of the 20th century). *Peterszavodsk*, 2001. 328 p.

6) Potebnya A. A. Collection of works. Symbol and Mythos in the folk culture. Moscow. 2000. 480 p.

7) Priest Dmitry Baritsky Religious subtext of the story of I. S. Turgenev “Song of the triumphant love” // *Theological newsletter*. 2020. No. 4 (39). P. 263–278.

8) Shukin G. Turgenev and Goethe. Something about phsicopsetics, Eros and a beauty // News of the Samar scientific centre of the Russian academic scholarship // *Social, humanitarian, medical-biological scholarship*. 2016. Vol. 18, No.1 (2). P. 268–276.

9) Toporkov A. L. The spells in Russian manuscripts traditions of 15th–19th centuries. Moscow, 2005. 480 p.

10) Toporov V. N. *Strange Turgenev* (4 chapters). Moscow, 1998. 192 p.

11). Yamaguchi R. The concepts of a Volya and a melancholy in the wedding lyrics // *Scientific notes of Orel state University*. 2022. No. 2 (95). P. 139–141.

FATE AND “THE SONG OF TRIUMPHANT LOVE”

**YAMAGUCHI
RYOKO**

*PhD in Philology,
Lecturer,
Faculty of global and regional studies,
Doshisha University,
Kyoto, Japan, cjv52910@icloud.com*

Keywords:

Ivan Turgenev
philosophy of love
love spells
female images
malady

Summary:

This article explores Ivan Turgenev’s perspective on love and its significance in human life, shedding light on the mystery of how the author perceived his own existence in his later years, despite being primarily recognized as a social writer. While typically rooted in the bond between parents and child, in Turgenev’s late work “The Song of Triumphant Love” human love is portrayed as a malady sparked by the enchantment of a man upon a woman. Our hypothesis is that Turgenev may have been familiar with Russian love spells and used them in this short novel.